

ПОЛИТОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 78–85
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 78–85

Научная статья
УДК 32+303
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-78-85>

«Жизнь» важнее «свободы»: актуальный тренд в мифологии либерально-демократического процесса

Н. И. Шестов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Шестов Николай Игоревич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, nikshestov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>

Аннотация. В статье анализируются причины и последствия перемен в мотивационной сфере современной либерально-демократической политики в нашей стране и других странах. Социально-мифологическое представление, базовое для либерально-демократической политики в прежнее время, что гражданские свободы обладают высшей ценностью и для их защиты любые жертвы со стороны человека и общества оправданы, постепенно вытесняется сегодня другой стереотипной и социально значимой установкой. Согласно ей ничто в политике, даже борьба за гражданскую свободу, не является для современного человека, живущего в «обществе потребления» либо мечтающего стать его частью, достаточным мотивом поступиться в интересах общества и государства своим материальным благополучием, а тем более жизнью. В статье отмечена тенденция к распространению сегодня этого нового тренда в мотивации либерально-демократического процесса на мотивационную сферу российской политики.

Ключевые слова: политический миф, мотивация политического участия, либерально-демократическая политика

Для цитирования: Шестов Н. И. «Жизнь» важнее «свободы»: актуальный тренд в мифологии либерально-демократического процесса // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 78–85. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-78-85>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

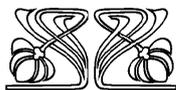
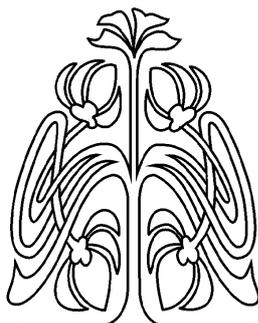
Article
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-78-85>

“Life” is more important than “freedom”: Currently central trend within mythology of liberal and democratic process

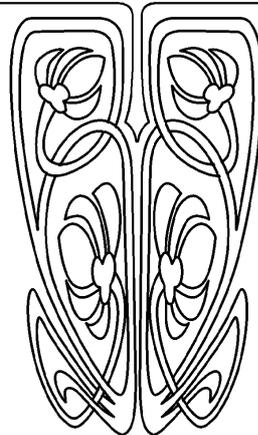
Nikolay I. Shestov, nikshestov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Abstract. Reasons and consequences of changes within motivational sphere of contemporary liberal and democratic politics in our country and abroad are analyzed in the article. Inherent in recent liberal and democratic politics, social and mythological concept that civil freedoms are the supreme value and any sacrifices (made by a man or society) to defend them are reasonable is gradually displaced with another stereotypical and socially valuable precept. According to it, nothing

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

in politics (nor even struggle for civil freedom) is a sufficient motive for a modern man living in (or dreaming of becoming a part of it) a consumerist society to compromise on material welfare, let alone life. The tendency of spreading this new trend in motivation of liberal and democratic process to motivational sphere of Russian politics is noted.

Keywords: political myth, motivation of political participation, liberal and democratic politics

For citation: Shestov N. I. "Life" is more important than "freedom": Currently central trend within mythology of liberal and democratic process. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 78–85 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-78-85>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

В интернет-пространстве сегодня в изобилии представлена и пользуется вниманием политическая научная и публицистическая аналитика, содержащая прогнозы того, как будет устроен современный мир демократической политики по следам пандемии коронавируса. Прогнозы эти чаще всего пессимистичны и даже эсхатологичны. Основной их пафос определяет мысль, что наш мир вообще, и мир политики в особенности, никогда уже не будет таким, каким он был до пандемии. Иной облик примет и политическая жизнь в нашей стране.

С некоторыми вариациями идея эта повторяется от одного текста к другому. Изменяются, считают ее сторонники, базовые структурные и функциональные характеристики правового государства и гражданского общества. Причем не в лучшую сторону, с точки зрения интересов комфортного существования человека. Как следствие, другим, и тоже далеким от комфортности и безопасности, станет порядок взаимодействия граждан и институтов гражданского общества с институтами власти. Порядок этот, если верить предположениям прогнозистов, не будет уже соответствовать нашим сегодняшним представлениям о «правильной» демократической политике, да во многих случаях и о политике вообще. Потому что в дальнейшем главной функцией современных «социальных» и «правовых» государств будет не забота о духовном развитии и материальном благополучии своих граждан, даже не защита собственных национально-государственных интересов и суверенитета. Главной функцией институтов государственной власти и главным предметом их политической коммуникации с гражданским обществом будет обеспечение права граждан на жизнь.

Это будет государственный и социальный порядок, говорят критики этого тренда в политическом процессе, своей «тоталитарностью» и «античеловечностью» превосходящий все то, против чего еще в XX столетии предостерегали своих современников создатели литературных и научных политических антиутопий. И в чем особенно единодушны авторы таких пессимистических прогнозов, для России и других стран, даже при более-менее благоприятном исходе их нынешней борьбы с эпидемией, возврат к доэпидемическому состоянию демократических принципов, институтов и практик уже невозможен. Невозможен, прежде всего, по причине заинте-

ресованности нынешних властных элит в большинстве современных демократических стран, включая и Россию, в том, чтобы такой возврат состоялся. «Новая нормальность» (это понятие быстро прижилось в отечественном политическом дискурсе) выгодна властным элитам. Она предоставляет им реальные возможности перезаключить «общественный договор» с гражданскими обществами, массовое сознание которых эпидемия привела в состояние стресса, на максимально выгодных для себя условиях. К тому же у элит появляется возможность исключить из нового «договора» те пункты прежних договоренностей с гражданскими обществами, неисполнение элитами обязательств по которым сегодня провоцирует кризисные явления в либерально-демократической политике даже в наиболее развитых странах.

«Новая нормальность» со всеми ее отклонениями от прежде признанных либерально-демократических ценностей и процедур, утверждают сегодня ее критики, это цель, к которой демократические элиты по всему миру шли давно и осознанно. Это шанс придать новый импульс тем процессам глобализации, которые в последнее десятилетие стали заметно притормаживать в своем развитии по причине роста антиглобалистских, антилиберальных и националистических настроений в гражданских обществах во многих странах с либерально-демократическим устройством. Пандемия, начавшаяся в конце 2019 г., стала мощным стимулом к обновлению идеологии глобализации, к превращению ее из проекта либерального, выгодного лишь наиболее развитым странам и тем странам, которые с ними ассоциированы в порядке «демократического транзита», в «общецивилизационный» проект. Она спровоцировала в гражданских обществах панические настроения и расколы на «ковидиотов», «ковиддиссидентов», «ковидофобов» и т. д. На тех, иначе говоря, кто лоялен действиям властей по борьбе с распространением болезни, тех, кто стремится правдами и неправдами обойти различные карантинные меры, а также тех, кто пытается активно этим мерам противостоять.

В обстановке такого внутреннего раскола в гражданских обществах властные элиты могут легально и легитимно экспериментировать с правом, администрированием, информационными технологиями и даже экономическими регуляторами. При этом четко осознавая, что их

забота о жизни и здоровье граждан есть тот аргумент, который способен сегодня и в дальнейшем свести на нет все возможные претензии к ним со стороны гражданского общества. В первую очередь, претензии по поводу нарушения конституционных прав граждан, которые громко звучат в информационном пространстве уже сегодня.

Уверенность многих аналитиков в необратимости перемен в политических статусах и политических коммуникациях современных правовых государств и гражданских обществ основана по большей части на профессиональной интуиции. На, иначе говоря, понимании специалистами того, что в современной политике, пространство которой насыщено ресурсами и технологиями массовых коммуникаций, «новая нормальность» имеет все шансы легитимировать себя по принципу, который еще в 90-х гг. прошлого века сформулировал Джозеф Овертон («окно Овертона»). Массовые коммуникации создают условия быстрого перехода в массовом сознании от «недопустимого» к «возможному», а затем и «естественному».

На причину необратимости перемен, происходящих во взаимоотношениях властных элит с гражданским обществом в нашей стране и других странах, можно посмотреть в другом ракурсе, а именно с точки зрения предрасположенности массового сознания властных элит и гражданских обществ к тому, чтобы легитимировать «новую нормальность» даже в том случае, если политтехнологам и медиатехнологам не удастся придать ей полностью «естественный» облик.

В предположении, что у властных элит есть интерес к расширению в рамках демократической политики своих управленческих компетенций за счет прерогатив гражданского общества, есть доля правды. Властные элиты (и демократические, и не демократические) во все времена использовали фобии в религиозном и секулярном массовом сознании, обострившиеся по следам политических и экономических кризисов, для создания новой повестки политических коммуникаций с обществом, а также для расширения своих властно-распорядительных компетенций за счет ограничения возможностей общества к самоуправлению. Эту зависимость интереса элит к эксплуатации социальных фобий в период кризисов подробно охарактеризовал Э. Кассирер¹.

С началом XXI в. активность мыслей и действий элит в этом направлении заметно возросла. В интересах государственной политики и геополитики стали активно эксплуатироваться различные фобии, связанные с изменениями климата на планете, с загрязнением окружающей среды отходами промышленного и сельскохозяйственного производства, потреблением людьми генномодифицированных продуктов питания, использованием атомных электростанций и т. д.

Сегодня в эту повестку интегрированы социальные фобии, возникшие в ходе пандемии.

Стимулом для роста этой активности властных элит стали системные сбои в «классической» либерально-демократической политике. Такие сбои давали о себе знать и в прошлом. Механизмы либеральной демократии, электоральные и бюрократические (показательными примерами являются буржуазные революции в Европе в первой половине XIX столетия, гражданская война в США, рост популярности крайне правых политических сил в большинстве демократических стран в 20–40-е гг. XX в. и их приход к власти в Испании, Португалии, Германии и Италии), и прежде часто на практике не оправдывали надежд создателей либеральной доктрины. В последнее десятилетие они ярко обнаружили себя в связи с миграционным кризисом, массовыми протестными движениями и конфликтами вокруг результатов избирательных кампаний, доходящими до «цветных революций», усилением популярности правых политических идей и партий.

Дисфункция либерально-демократической политики сегодня усиливается даже в тех странах Старого и Нового света, которые всю вторую половину XX столетия, особенно в годы холодной войны, были мировым бастионом либерально-демократической внутренней и внешней политики. По поводу нынешней ситуации, например, во Франции авторитетный отечественный эксперт пишет: «Протестные настроения растут с каждым годом – наступает тотальное разочарование в правящей элите. Почти 80 процентов граждан не поддержит ее кандидатов на следующих президентских выборах – они или не пойдут голосовать, или опустят в избирательную урну пустой бюллетень, или же проголосуют за антисистемного кандидата. <...> Но недовольство элитой – это лишь следствие общего кризиса: большинство смотрит в будущее с растущей тревогой, опасаясь, что скоро их страна изменится до неузнаваемости»². Надо заметить, что это мнение отечественного аналитика вполне согласуется с оценками французских коллег³, а также данными статистических исследований в разных европейских странах⁴. Частным случаем этого общего для мира либеральной демократии кризисного тренда представляется устойчивый конфликт внутри властных элит и между элитами и гражданскими обществами во многих постсоветских государствах, время от времени выливающийся в массовые протестные движения или даже очередную «цветную революцию»⁵.

Такое постоянное балансирование на грани формальной либеральной демократии и реальной угрозы политического хаоса и последующей диктатуры неизбежно сказывается на самосознании властных элит. Оно побуждает их к поиску технологий решения политических задач за пределами возможностей, предоставляемых им

либеральной демократией в ее нынешнем состоянии. Пандемия в этом смысле – еще один стимул к таким поискам и к тому, чтобы в результате таких поисков «мир уже никогда не стал прежним», как на этом часто настаивают авторы политико-эсхатологических прогнозов.

Своих намерений и своей поисковой активности элиты не скрывают. Их следы отчетливо сегодня видны в быстро совершенствующемся в большинстве демократических стран «ковидном» законодательстве. При его сопровождении институты исполнительной власти имеют возможность вполне легитимно, сославшись на чрезвычайные обстоятельства пандемии и экономического кризиса, ею вызванного, становиться обладателями компетенций власти законодательной и даже судебной. Тогда, например, когда речь идет о введении в странах и регионах таких административных «режимов» для функционирования гражданских обществ, в условиях которых только и могут быть реализованы конституционные права граждан без видимого риска для их, граждан, жизни и здоровья.

Сегодня в некоторых странах гражданские общества довольно активно пытаются противостоять намерениям своих властных элит перетянуть на свою сторону «одеяло» либерально-демократической политики. Общественные лидеры и рядовые граждане устраивают различные протестные акции⁶, критикуют действия властей в социальных сетях. Они инициируют судебные разбирательства по поводу «карантинных» мер, вводимых порой в обход национально-государственного законодательства⁷. Все это выглядит обнадеживающе, особенно благодаря вниманию к таким событиям со стороны СМИ: вот он, либеральный идеал гражданственности, в действии!

Вместе с тем пока не заметно, чтобы эти разрозненные акции как-то существенно повлияли на настойчивость и организованность властных элит в деле конструирования ими «новой нормальности» посредством информационных, правовых и административных технологий. Главная причина недостаточной действенности гражданского протеста, вероятно, в том, что он недостаточно конструктивен по своему содержанию: это протест «против» существующего порядка вещей, а не протест «за» какой-либо новый порядок, который должен прийти ему на смену. В нынешнем протесте против «новой нормальности» недостает присутствия какого-либо, хотя бы минимально осмысленного проекта (или нескольких проектов) изменений в либерально-демократической политике, который был бы выдвинут со стороны гражданских обществ демократических стран и отражал бы их интересы и представления о своей будущей политической субъектности. Такого проекта, который мог бы в массовом сознании конкурировать с проектом «новой нормальности» и, таким образом, из-

менить повестку политических коммуникаций властных элит и гражданских обществ на тему их общего будущего.

Что мешает рождению такого проекта? Ведь для его появления есть, с формальной точки зрения, все необходимые ресурсы. Существуют и действуют политические партии и их лидеры, одна из первостепенных функций которых в том и состоит, чтобы разрабатывать политические проекты и сплачивать свой электорат для достижения той власти в государстве, которая даст им возможность этот проект реализовать. Пока, правда, партийные лидеры и партийный актив, как в России, так и в других странах, или нейтрально относятся к появлению на свет «новой нормальности», или, будучи интегрированы в структуры законодательной и исполнительной власти, содействуют продвижению этого проекта.

Есть сообщества интеллектуалов, готовых и способных популяризовать и аргументированно защищать интересы и инициативы граждан. Тем не менее, если говорить о ситуации в политической науке в нашей стране и в других демократических странах, пока эти сообщества больше, чем проектированию будущего на основе интересов граждан, уделяют внимание систематизации этих интересов и поиску точек их совпадения либо не совпадения с интересами властных элит⁸.

Есть классические и электронные СМИ (тоже выполняющие, хотя и не всегда последовательно, функцию институтов гражданского общества), нынешних технологий и нынешнего влияния которых на умы людей и текущую политическую жизнь вполне достаточно, чтобы в повестке демократических коммуникаций элиты и граждан у стратегии и тактики «новой нормальности» появился противовес. Есть, наконец, достаточно широкая и технически оснащенная система массовых сетевых коммуникаций, в рамках которой формируются и функционируют различные, в том числе политические, гражданские инициативы. Исследователи, с одной стороны, массовых протестных движений и «цветных» революций, а, с другой стороны, различных патриотических и прогосударственных гражданских инициатив постоянно подчеркивают ту большую роль, которую в современном мире социальные сети и сетевые коммуникации граждан играют в деле политической мобилизации масс.

Все эти ресурсы сегодня не находят применения в том масштабе, при котором можно было бы ожидать появления альтернативы проекту «новой нормальности». Сами гражданские общества в большинстве своем не проявляют сегодня заметного интереса к их использованию. На то есть много причин. Главная среди них – это подвиги, которые на протяжении последних десятилетий происходили в политической культуре гражданских обществ и властных элит в демократических странах, особенно раз-

витых. Подвижки произошли, прежде всего, в политико-мифологическом основании культуры гражданственности. Эпидемия, начавшаяся весной 2020 г. и затем охватившая большую часть цивилизованного мира, всего лишь ярко их высветила.

Эти подвижки делают гражданские общества восприимчивыми к усилиям властных элит убедить их в том, что «новая нормальность» – всего лишь следующий шаг в направлении прогресса демократии во всем мире и в отдельных странах. Велика вероятность того, что в «новой нормальности» не только властные элиты, но и гражданские общества (возможно, не целиком, а какая-то их достаточно активная и влиятельная часть, уверенная в своем праве говорить от имени большинства сограждан) найдут для себя некую «практическую выгоду» и «политическую целесообразность». Последние, при участии СМИ в их популяризации, вполне способны перевесить в сознании граждан негативные впечатления от активности властных элит в конструировании «новой нормальности».

В массовом сознании современных обществ в России и остальном мире за последние десятилетия принципиально изменился баланс парадигм, определяющих представление граждан о том, в чем смысл их участия/неучастия в политике, какие свои жизненно важные задачи они смогут решить посредством включенности/невключенности в политические процессы разного масштаба и уровня. Совместная борьба властных элит и институтов гражданского общества с эпидемией и ее последствиями в нашей стране и других демократических странах создала информационный и психологический фон для легитимации изменений в балансе.

С начала либерально-демократических времен и до середины прошлого столетия в мире демократической политики баланс складывался так, что доминировала та парадигма политического участия, суть которой наиболее точно передает формула «Свобода для гражданина важнее его жизни». Ей всегда противостояла, но до поры до времени уступала ей во влиянии на массовое сознание гражданских обществ не менее мифологичная по своему характеру установка на то, что «безопасность и жизнь для гражданина важнее свободы».

Во все времена членами гражданских обществ были люди, не считавшие себя по тем или иным причинам связанными с ними интересами и обязательствами настолько, чтобы жертвовать чем-то личным во имя блага сограждан. Тем не менее, баланс упомянутых парадигм в гражданской культуре складывался не в их пользу. А потому посредством демократических процедур и технологий гражданского воспитания этот баланс был закреплен в этике мышления и поведения гражданина-патриота, формированием которой последние два столетия целенаправ-

ленно занимались семья, школа, гуманитарные науки и СМИ. Он в абсолютном большинстве демократических государств был закреплён конституционно, в первую очередь, в перечне обязательств гражданина перед своим государством и своим гражданским обществом. В том, что принято называть «гражданским долгом», исполнение которого дает гражданину право называться «гражданином». Сегодня в массовом сознании гражданских обществ ценностные приоритеты поменялись, причем значительно.

Изменение это явилось совокупным результатом процессов, достаточно разных по своему характеру.

Начать следует с того, что после превращения двуполярного мира в однополярный либерально-демократической политике не с кем стало в прежнем глобальном масштабе конкурировать. Прежде всего, конкурировать за смысл ключевой политической ценности – «свободы». Конкуренция либеральных, консервативных и социалистических стратегий и тактик во внутреннем национально-государственном пространстве, а также конкуренция соответствующих политических дискурсов, конечно, остались. Но либеральный дискурс «свободы» (как дискурс «победителей» в холодной войне) оказался в наше время вне конкуренции. Точно так же вне конкуренции сегодня оказались либеральные ценности и практики в тех государствах на постсоветском пространстве, а также на Ближнем Востоке, в Африке, которые свои большие проблемы в экономике и межэтнических отношениях пытаются решить средствами демократической политики.

История национальных государств в Старом и Новом свете наглядно демонстрирует, как много в их развитии и взаимоотношениях зависело от того, как элиты и гражданские общества понимали смысл «свободы» и как они определяли для себя оптимальные способы приобщения к этой ценности. У сторонников либерального понимания демократии смыслом и мерой «свободы» была и остается активность гражданина в заявлении своих индивидуальных политических прав, а также в защите их от покушений со стороны государства, непосредственно в своих личных интересах и опосредованно в интересах «общественного блага». Покушением на «свободу» является все, что так или иначе ограничивает умственную и практическую активность гражданина. На такое понимание свободы нацеливает, например, «формула свободы», составленная еще в первой четверти XIX столетия Б. Констаном и остающаяся классической для современных сторонников либеральной демократии⁹. Для последователей теории и практики советской демократии, как прежде, так и сейчас, смысл и меру «свободы» гражданина тоже определяет его активность. Только это активность, проявляемая гражданином в ходе сотрудничества с институтами гражданского общества и государства и

направленная в первую очередь на общее благо, и лишь во вторую – на благо личное¹⁰.

Пока понимание «свободы» у приверженцев разных доктрин и практик демократии было разным, пока нациям с их разными стратегиями прогресса важно было настоять на своем смысле ценности «свободы» как одном из ключевых ресурсов внутренней мобилизации и борьбы за «жизненное пространство», востребована была «жертвенная» этика гражданственности. Важна была готовность гражданина «положить на алтарь Отечества» все свои ресурсы и самого себя.

Прекращение идеологической конкуренции современных демократических наций, торжество идеологии и политики, апеллирующих к мифологии «общечеловеческих ценностей» и «магистрального пути цивилизации», превратило «жертвенную» этику (а вместе с этим и необходимость в особых государственных механизмах и технологиях патриотического воспитания граждан) из аксиомы демократической культуры в фундаментальную (мировоззренческую) проблему. Проблему эту можно сформулировать так: следует ли гражданину чем-либо жертвовать во имя торжества «свободы», когда в мире современных демократий ей практически ничего не угрожает (кроме, пожалуй, международного терроризма, борьба с которым находится в компетенции правовых государств), когда никто не претендует на радикальный пересмотр ее содержания?

Оправдание своим сомнениям современный гражданин легко находит в самой доктрине либеральной политики, даже при очень поверхностном знакомстве с ней. Доктрина эта во все времена опиралась на постулат, что права гражданина естественны. Более того, они индивидуальны. Гражданин является гражданином лишь тогда, когда он пользуется своими правами. Правами его наделяет сама Природа, от рождения и до смерти. А, значит, обладает он ими лишь до тех пор, пока жив и здоров. Замечательно, с точки зрения интересов нации и национального государства, когда «свобода куплена кровью»¹¹. Тем самым ценность «свободы» материализуется в глазах граждан даже в последующих поколениях ее «наследников». Не так замечательно с точки зрения гражданина-доктринера. Принесение им себя в жертву общественному идеалу «свободы» означает для него только то, что лично он уже никогда благами «свободы» не воспользуется. Для такого гражданина, последовательного в своих суждениях о либеральной демократии, «жертвенная» этика гражданственности лишена теоретического и практического смысла, особенно если этот гражданин является частью «общества потребления».

Формирование «обществ потребления» в наиболее развитых либерально-демократических странах стало еще одним процессом, обусловившим доминирование мифологемы «Жизнь граж-

данина важнее его свободы». Эти «общества потребления» в последние десятилетия прошлого века стали ориентиром для других гражданских обществ и элит, в том числе для российских. С хрущевских времен мысль о возможности и необходимости сделать так, чтобы в нашей стране граждане жили «как на Западе» и даже богаче, вдохновляла элиты на экономические реформы, а в конце прошлого столетия вдохновила и на смену модели политической системы с советско-демократической на либерально-демократическую.

Привлекательность «обществ потребления» стала одной из причин, по которой глобализационные процессы в современном мире стали разворачиваться в направлении воспроизводства либерально-демократических «стандартов» экономики, права, политики и культуры даже там, где в таком воспроизводстве не было реальной необходимости. А вместе с этим по миру стала распространяться новая, «потребительская» этика гражданственности и вытеснять «жертвенную» этику. Высокий уровень потребления – это не только способ удовлетворения личных запросов. Это, в первую очередь, возможность для гражданина постоянно иметь в своем распоряжении некий избыточный и относительно легко восполнимый материальный и нематериальный (правовой, например) жизненный ресурс.

Это, образно выражаясь, та политическая, правовая и экономическая «рента», которую гражданин пожизненно получает на основании своего членства в «обществе потребления». В критический момент, когда потребуется чем-то пожертвовать ради национально-государственных интересов, гражданин может (не без давления со стороны государства, конечно, и не без конфликтов с ним) в полном смысле откупиться от возможных обвинений в непатриотичности и политической несознательности. Он просто может в нужный момент уступить государственным институтам часть своего ресурса гражданственности: некоторые свои права, часть доходов, статусные атрибуты (различные льготы, например). Он может поступиться в пользу государства даже своей приверженностью тем или иным политическим ценностям, если такая приверженность вдруг окажется «не к месту» в конкретной кризисной ситуации и может повлечь за собой ущерб благополучию самого гражданина.

В пользовании всеми перечисленными благами гражданин «общества потребления» может спокойно поделиться с государством в уплату своего, так сказать, «гражданского долга» и своей возможностью дальше беспрепятственно и без риска для жизни и здоровья пользоваться преимуществами жизни свободного человека в свободном обществе. Государственные институты, в свою очередь, тоже получают от такой сделки выгоду. Уже не институты гражданского общества, а они получают легитимную возможность быть в условиях либерально-демократической

политики главным борцом за «свободу» в своей стране и даже за ее пределами, там, где граждане других государств тоже мечтают стать субъектами «общества потребления».

«Общества потребления» дают, таким образом, гражданам в странах с либерально-демократическими политическими системами возможность пользоваться благами «свободы» даже при формальном отсутствии таковой. Главное – «хорошими», «справедливыми» и «достойными» должны быть политические, правовые и экономические условия, в которых гражданин существует¹². Если общество и государство таких условий не создают, то и гражданин им ничем не обязан.

Еще в 2015 г. на 111-й Ежегодной конференции Американской ассоциации политической науки (APSA) один из ее участников, Майкл Гудхарт из университета г. Питсбурга, в докладе «Достоинство как политическое, а не метафизическое понятие» настаивал, что «именно политические требования, основанные на ощущении своего достоинства, сегодня более важны, чем рассуждения о правах человека как моральной субстанции»¹³.

Нынешние массовые протестные движения против карантинных мер во Франции, Германии, Чехии, Дании, США, а также реакция (чаще всего негативная) СМИ и общественных организаций на действия центральных и местных властей показывают, насколько быстро оправдывает себя этот прогноз политологов, неутешительный для будущего либерально-демократической политики. Мотивом таких гражданских протестов чаще всего выступает не идея борьбы их участников за политическую и тем более экономическую свободу. Того и другого у граждан развитых «западных» стран в достатке, и достаток этот имеет относительно прочные правовые гарантии. Участники этих движений заявляют себя борцами за «гражданское достоинство». Его, по их мнению, ущемляет государство уже самим фактом своего существования, а особенно тем, что требует от граждан поступиться свободами, не предоставляя им взамен гарантий жизни и здоровья.

Благоприятные условия для того, чтобы граждане сегодня ценили бы «жизнь» выше «свободы», создал процесс распространения новых информационных технологий. Технологии обеспечили невиданное прежде распространение такой информации, которая настраивает сознание большого числа людей на эсхатологический лад. А это сказывается и на их отношении к политике и участию в ней. Это информация о всевозможных реальных, предполагаемых и даже мнимых угрозах техногенного и природного характера. «Глобальное потепление/похолодание», «остывающее Солнце», «астероиды-убийцы», «генномодифицированные продукты», «глобальный дефицит пре-

сной воды», «запасы углеводородов, которые закончатся через 20–50 лет» и многое другое в том же духе – все это заставляет граждан (в большинстве своем далеких от научных экспертиз и дискуссий, а также от понимания интересов тех, кто занимается популяризацией такой информации) рассуждать примерно так: «Бог с ней, со свободой, выжить бы!».

В политической культуре гражданских обществ Запада изменение баланса в пользу мифологемы «Жизнь гражданина важнее его свободы» обнаружилось в последние десятилетия XX в. В России этот процесс начался позже, со времени радикальных либеральных реформ 90-х гг. прошлого века, и идет медленнее, чем в «западных» гражданских обществах. Тем не менее, он идет. Особенно его следы заметны в сознании нового поколения российских граждан. Об этом прямо свидетельствуют данные социологических исследований, характеризующих, например, отношение молодых людей к службе в Российской армии¹⁴. Иначе говоря, к тому способу отдания «гражданского долга», который, с одной стороны, расширяет свободу выбора молодым гражданином своего дальнейшего жизненного пути, так как дает ему определенные предпочтения перед не служившими согражданами при поступлении, например, на государственную службу. А с другой стороны, он в наибольшей степени сопряжен с риском для материального благополучия, комфорта и даже жизни гражданина. Соображения, связанные с этим риском, в последние годы устойчиво перевешивают в сознании российской молодежи стремление расширить свою «компетенцию свободы».

Все упомянутые процессы работают сегодня на необратимость перехода либерально-демократической политики из формата, привычного современным людям, в состояние «новой нормальности». Это так. Вместе с тем в этой норме, активно продвигаемой сегодня властными элитами по всему миру в сфере их коммуникаций с гражданскими обществами, не все так однозначно. «Новая нормальность» в том виде, в каком она сегодня формируется во многих странах, включая и Россию, пока что представляет собой конгломерат правовых, административных и экономических интересов и решений. А это означает, что для поддержания обществ и государств в относительно стабильном состоянии элитам придется приводить этот конгломерат в более-менее стройную систему. В силу требований системности эта «еще более новая нормальность» не может не иметь отличий от «нормальности нынешней». И нет противопоказаний для того, чтобы для решения этой проблемы элиты не вернулись к тем решениям (правовым, идеологическим и организационным), которые во многих странах долго и относительно успешно поддерживали системный характер либерально-демократической политики.

Примечания

- ¹ См.: *Кассирер Э.* Технологии современных политических мифов (Из книги «Миф о государстве»). URL: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/pp/ppu_4/6.pdf (дата обращения: 15.11.2020).
- ² *Акопов П.* Вышла из доверия : элита великой страны полностью дискредитирована. URL: https://ria.ru/20201029/frantsiya-1581974459.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com%2F%3Ffrom%3Dspecial&utm_source=YandexZenSpecial (дата обращения: 17.11.2020).
- ³ См.: Никакой власти народу. Рецензия на книгу французского ученика Хайдеггера Франсуа Федье. 6 мая 2020 (Франсуа Федье. «Мир спасет красота». В России. СПб. : Jaromir Hladik press, 2020. Пер. с фр. Петра Епифанова). URL: https://yandex.ru/turbo/s/gorky.media/reviews/nikakoj-vlasti-narodu/?promo=navbar&utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 05.05.2020) ; Le Figaro (Франция) : герилья в Дижоне – отнюдь не происшествие местного масштаба. URL: https://inosmi.ru/social/20200619/247634918.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 24.06.2020).
- ⁴ См.: Как менялась доля людей, верящих в работающее на их благо государство. URL: <https://zen.yandex.ru/media/pstat/kak-menialas-dolia-liudei-veriascih-v-rabotaiuscee-na-ih-bлаго-gosudarstvo-5e5d2bd0fc936829e-beed14d> (дата обращения: 27.04.2020).
- ⁵ См.: *Магун А.* Борьба за отжившие идеалы : Уличные протесты как язык современной демократии. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4449384?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 18.11.2020).
- ⁶ См.: В Берлине прошла вторая за неделю акция протеста против карантина. 22 ноября 2020. URL: https://russian.rt.com/world/news/805628-karantin-berlin-protest?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&nw=1606138172000 (дата обращения: 23.11.2020).
- ⁷ См.: Апелляционный суд Португалии признал ПЦР-тестирование фейком, а карантин незаконным. URL: https://zen.yandex.ru/media/po_sekretu_vsemu_svetu/appeliacionnyi-sud-portugalii-priznal-pcrtestirovanie-feikom-a-karantin-nezakonnym-5fb81fa8572b862575aa3200 (дата обращения: 22.11.2020) ; Коллегия адвокатов Германии начала расследование об организации пандемии ковида с целью возмещения убытков и выявления истины. URL: <https://zen.yandex.ru/media/smeklof/kollegiia-advokatov-germanii-nachala-rassledovanie-ob-organizacii-pandemii-kovida-s-celiu-vozmescheniia-ubytkov-i-vyivleniia-istiny-5fbb70f693538e30394ce203> (дата обращения: 23.11.2020).
- ⁸ См.: *Соловьев А. И.* Власть и политика. Poleмические заметки о «проклятых вопросах» политической науки // Политические исследования. 2020. Т. 20, № 6. С. 135–147. DOI: 10.17976/jpps/2020.06.10
- ⁹ См.: *Констан Б.* О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей. [Электронный ресурс]. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/1993-2-Konstan-O_svobode.pdf (дата обращения: 10.11.2020) ; *Милевская Т. В., Басенко Н. А.* Идеологема «свобода» как универсалия политического дискурса // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2005. № 3 (131). С. 26–28.
- ¹⁰ См.: *Иохим А. Н.* Особенности развития гуманитарного дискурса в советской политической практике // Вестник Московского университета. Серия 12 : Политические науки. 2018. № 4. С. 26–39.
- ¹¹ См.: *Лорд Джордж Ноэл Гордон Байрон (Lord Byron)* Как за морем кровью свободу свою... (1816) // Байрон Д. Г. Собр. соч. : в 4 т. Т. 2 / пер. Н. Холодковского. М. : Правда, 1981. URL: <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=7992> (дата обращения: 25.11.2020).
- ¹² См.: *Гельман В. Я.* Политические основания «Недостойного правления» в постсоветской Евразии (Переосмысливая исследовательскую повестку дня) // Полития. 2016. № 3 (82) С. 90–115. DOI: 10.30570/2078-5089-2016-82-3-90-115.
- ¹³ *Сунгуров А.* 111-я Ежегодная конференция Американской ассоциации политической науки. Заметки участника. URL: <https://spb.hse.ru/soc/politology/news/160606195.html> (дата обращения: 26.11.2020).
- ¹⁴ См.: *Максименко А. А., Шаповалова И. С.* Молодежь и российская армия : будет ли положительный вектор во взаимодействии? // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, № 2. С. 70–87. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-2-0-6

Поступила в редакцию 27.11.2020, после рецензирования 02.12.2020, принята к публикации 05.12.2020
 Received 27.11.2020, revised 02.12.2020, accepted 05.12.2020